
Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

**БЕСЛЕНЕЙ: СЕЦЕССИЯ, СТАБИЛИЗАЦИЯ,
МЕСТО В ЧЕРКЕССКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ XVI–XVII вв.**

Зaurбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2024

Аннотация. Бесленей сформировался в раннее новое время, как одно из феодальных владений Княжеской Черкесии. История его возникновения неразрывно связана с эволюцией удельной системы Кабарды XVI в. В ходе нескольких внутриполитических кризисов середины – 2-й половины XVI в. возникли условия для сецессии одного из кабардинских уделов, переселения в Восточное Закубанье и формирования на его базе устойчивой этнополитической единицы. Княжество получило название по имени *пши* Беслана, принадлежавшего к первому поколению Иналидов Кабарды. Сохраняя этнокультурную и политическую близость с Кабардой, Бесленей проводил активную политику расширения потенциальной базы своей фактической независимости. С этой целью бесленеевские князья Каноковы – первыми среди черкесских Иналидов, открыли московское направление во внешней политике. Русские архивные источники и данные черкесской устной традиции позволяют реконструировать события в результате и на фоне которых происходило становление Бесленей. После снижения интенсивности дипломатических связей с Русским государством, Бесленей удачно использовал династические и аталыческие связи с крымскими Гиреями, вовлеченность во внутривнутриполитические конфликты в Кабарде и обрел устойчивое место в черкесской этнополитической иерархии XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Иналиды Кабарды, сецессия, Бесленей, Каноковы, удельная система, таксономия

Для цитирования: Кожев З.А. Бесленей: сецессия, стабилизация, место в черкесской этнополитической иерархии XVI–XVII вв. // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-2 (63). С. 15–24. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

Original article

**BESLENEY: SECESSION, STABILIZATION, PLACE
IN THE CIRCASSIAN ETHNOPOLITICAL HIERARCHY
OF THE XVI–XVII CENTURIES**

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2024

Abstract. Besleney was formed in the early modern times as one of the feudal possessions of Princely Circassia. The history of its origin is inextricably linked with the evolution of the appanage system of Kabarda in the XVI-th century. During several internal political crises in the mid-2-nd half of the XVI-th century, conditions arose for the secession of one of the Kabardian fiefs, resettlement to the Eastern Trans-Kuban region and the formation of a stable ethnopolitical unit on its basis. The principality was named after the psha of Beslan, who belonged to the first generation of Inalids of Kabarda. While maintaining ethnocultural and political closeness with Kabarda, Besleney pursued an active policy of expanding the potential base of his actual independence. For this purpose, the Besleney princes Kanokovs, the first among the Circassian Inalids, opened the Moscow direction in foreign policy. Russian archival sources and data from the Circassian oral tradition allow us to reconstruct the events as a result and against the background of which the formation of Besleney took place. After reducing the intensity of diplomatic ties with the Russian state, Besleney successfully using dynastic and atalyc ties with the Crimean Gireys, involvement in internal political conflicts in Kabarda found a stable place in the Circassian ethnopolitical hierarchy of the XVI-th – XVII-th centuries.

Keywords: Inalids of Kabarda, secession, Besleney, Kanokovs, appanage system, taxonomy

For citation: Kozhev Z.A. Besleney: secession, stabilization, place in the Circassian ethnopolitical hierarchy of the 16–17 centuries. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2024; 4-2 (63): 15–24. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-2-63-15-24

Бесленей (черкес. *Бесльэней*), как одно из феодальных владений Черкесии, а также его жители – бесленеевцы, хорошо известны русским архивным документам и письменным источникам XVI–XIX вв. [КРО 1957а: 23, 88, 93, 97, 100, 151, 221, 250, 279, 310, 384–386, 389, 390, 394, 404; КРО 1957б: 141, 142, 159, 167, 168, 325; АБКИЕА 1974: 71, 158, 160, 206, 223, 236; Челеби 1979: 28, 78–79 и др.]. Первые черкесские историографы – Султан Хан-Гирей и Ш.Б.Ногмов, в своих работах зафиксировали события, связанные с историей формирования и многовековой ретроспекции Бесленея в том виде, в котором эти сюжеты отразились в устной черкесской традиции [Султан Хан-Гирей 2009: 131, 145–148; Ногмов 1994: 103–107]. В 2009 г. в свет вышел объемный сборник документов, посвященный Бесленею и его месту в этно-иерархической структуре Черкесии [Бесленей 2009]. Тем не менее, многие аспекты истории формирования Бесленея, как самостоятельной этносоциальной единицы Княжеской Черкесии, эволюции и обретения устойчивой позиции в адыгской этнотаксономии, на наш взгляд, нуждаются в углубленном изучении с комплексным использованием данных письменных источников, черкесской устной традиции, данных языкознания.

Целью данной статьи является реконструкция генезиса Бесленея в качестве феодального удела одного из Иналидов Кабарды первого поколения, исторического контекста его сецессии от восточноадыгского (*Шхьагъ*) этнического ядра и обретения устойчивого статуса крупного регионального княжества второй половины XVI–XVII вв.

Несмотря на обилие письменных источников, связанных с Бесленеем, нельзя сказать, чтобы в российской историографии сложилось строгое научное осмысление этого феномена Княжеской Черкесии. Например, во вполне академическом издании перевода на русский язык «Книги путешествия» Эвлия Челеби, осуществленном в 1979 г., можно прочесть в комментариях такое определение: «Бесней – адыгейское племя бесленей (бэсльний). Ныне бесленейцы влились в кабардинскую социалистическую нацию. Потомки их говорят на бесленейском диалекте кабардинского языка» [Челеби 1979: 220]. В этом определении адекватно передан только термин. *Бесленей*, как и *Кабарда* (*Къэбэрдей*), и другие феодальные владения Княжеской Черкесии, никогда не был *племенем*, т.е. этносоциальной единицей, сформировавшейся на родоплеменных началах. Термин *Бесленей* представлял из себя политоним, в основании которого лежит собственное имя верховного правителя – феодального суверена. Что касается физических

потомков жителей феодального княжества Бесленей, то они уже в XX в. в подавляющем большинстве «влились» в состав «адыгейской» (аул Уляп Республики Адыгея) и «черкесской» (аулы Бесленей, Вакожиле – Карачаево-Черкесии, Канокровский, Кургоковский – Успенского района Краснодарского края) «социалистических наций». Определение же речевой нормы, сформировавшейся в Бесленее в XVI–XIX вв., как диалекта кабардинского языка, по меньшей мере, спорно. Их очевидная близость скорее позволяет объединить кабардинский и бесленеевский в группу восточчеркесских или, если пользоваться эндонимом – верхнечеркесских (*Щхьагъ*) диалектов адыгского языка.

Впрочем, уже первые историографические опыты описания процессов сегрегации Кабарды и Бесленей отражают двойственность и противоречивость отражения данного процесса в устной традиции. Султан Хан-Гирей в своих «Записках о Черкесии» дважды специально останавливается на истории разделения двух близких локальных групп восточных (*Щхьагъ*) черкесов – в разделах «Владения Кабардинские» и «Владение Бейсленейское». В этих отрывках содержатся противоположные тезисы по истории разделения Кабарды и Бесленей:

«Князья кабардинские и бейсленейские ... суть потомки Инала ... После смерти Инала его потомки с подвластными своими разделились на две части, и одна из них осталась на прежних местах, то есть на южной стороне Кубани, и называлась Бейсленейю, а другая, гораздо сильнейшая, переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска (курсив наш – Ред.). Переселение это, полагают, последовало в 150 году магометанской эры, и поэтому время пребывания кабардинцев на землях, ныне им занимаемых, считают ... около 1100 лет» [Султан Хан-Гирей 2009: 131].

Дата переселения является очевидным анахронизмом, но в контексте темы нашего исследования в сюжете о разделении потомками родоначальника княжеской династии Инала единого политического субъекта, на наш взгляд, гораздо важнее определение характера миграционных процессов, в результате которого произошло территориальное и политическое размежевание исторических Кабарды и Бесленей. В разделе, посвященном описанию «Владения Бейсленейского» Султан Хан-Гирей, несколько корректирует первоначальную версию о выделении бесленеевцев из этнополитического объединения восточных (*Щхьагъ*) адыгов:

«Колено бейсленейское ... есть отрасль кабардинского поколения. Следовательно, и бейсленейцы одного с кабардинцами происхождения, чему важнейшим доказательством служит наречие, которым они говорят ... По смерти Инала, родоначальника князей кабардинских, потомки его разделились на две части, из которых одна и главнейшая (кабардинцы) переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска, а другая, именно бейсленейцы, остались на прежних местах жительства, то есть за Кубанью. Это предание кажется более правдоподобным, однако ж есть и другие предания, по которым полагают, что и бейсленейцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения бесленеевцы шестую часть, или шестой удел составили, и когда первые, то есть кабардинцы, постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бесленейцы переселились за Кубань, на прежние места жительства (курсив наш – Ред.) [Султан Хан-Гирей 2009: 145].

Разночтениях в двух версиях сегрегации Бесленей и Кабарды, на наш взгляд, отражают смутные противоречия и споры о первородстве между различными линиями Иналидов Кабарды. С точки зрения традиционной феодальной этики было принципиально определить и локализовать метрополию, от которой отделилось политическое новообразование, претендующее на суверенный статус. Акцент на то, что «колени бейсленейское» издавна занимает «прежние места жительства», в отличие от основной массы кабардинцев, переселившихся в процессе своеобразного «обретения Родины» в бассейн Кумы и Терека, должно было подчеркнуть суверенный статус Бесленей. В случае реэмиграции Бесленей в Восточное Закубанье,

дочерний статус княжества в отношениях с Кабардой, сопрягаясь с его относительно скромными демографическими параметрами, делал уязвимым суверенный статус бесленеевских князей во взаимоотношениях с кабардинскими владельческими домами. Эта коллизия становится очевидной при рассмотрении исторического контекста сецессии Бесленея.

Благодаря родословным спискам, созданным в Московском царстве в середине XVII в., хорошо известны первые поколения Иналидов, ставшие родоначальниками кабардинских и бесленеевских князей [КРО 1957а: 383–387]. Черкесские предания, собранные Ш.Б.Ногмовым, коррелируют с данными родословной «кабардинских и черкаских мурз и князей», которым известен основатель Бесленея: «Акабгу (одно из прозвищ Инала, под которым он фигурирует в родословной, принадлежавшей А.А. Лобанову Ростовскому – *Ред.*). Акабгины дети Табулы да Беслень, и Табула остался в Каборде, а от него пошли все кабардинские и черкаские, а Беслень от него ис Каборды откочевал прочь в Беслене, там ево и род пошел в Бесленях. А у Табулы-мурзы 4 сына, первой сын Инармас, другой сын Янхот, третий сын Минбулат, четвертый сын Кирклыш» [КРО 1957а:383, 384].

Черкесская устная традиция в передаче Ш.Б.Ногмова сохранила важные детали данного события, которое благодаря этому может быть надежно датировано и реконструировано. Сецессия Бесленея в Восточное Закубанье произошла в результате масштабного внутривосточного кризиса в Княжеской Черкесии. Князь-изгой Идар Инармасов при поддержке широкой коалиции западчеркесских (*КІахэ*) владельцев, вступил в борьбу за наследственный удел и верховную власть в Кабарде с Талостаном Джанхотовым – другим внуком Табулы [Ногмов 1994: 101–107; Кожев 2020: 54–67]. Кульминацией противоборства стала Кызбурунская битва (*Къызбрун зауэ*), завершившаяся победой Идара Инармасова и гибелью в сражении его соперника. Согласно черкесским преданиям, у Идара Инармасова среди его двоюродных братьев были сторонники. Одним из них предания считают Тохтамышша Кирклышева, изгнанного Талостаном из Кабарды [Ногмов 1994: 101–103; Кожев 2020: 58]. С большой долей вероятности к числу явных симпатизантов Идара Инармасова следует отнести и «Каноко Берслановича» – будущего родоначальника бесленеевских князей. Он выехал навстречу союзному войску Идара Инармасова и изгнанного Тохтамышша Кирклышева: «Не доходя Кабарды, прибыл к нему (т.е. к Идару – *Ред.*) потомок Инала князь Каноко, чтоб совещаться с Тохтамышем» [Ногмов 1994: 101–103].

Безоговорочная победа Идара Инармасова, гибель в Кызбурунском сражении пяти князей Иналидов, включая Талостана Джанхотова и Тохтамышша Кирклышева, переформатировала Кабардинское княжество. Условия мира, заключенного сторонами по итогам войны, во-первых, привели к возникновению в рамках Кабарды нового удела, а во-вторых, подтолкнули одну из княжеских семей к сецессии:

«По окончании переговоров и единогласного утверждения мирного трактата, войска разошлись по домам. Князь Идар вскоре после того прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией ... Князь Каноко Берсланович, невзирая на трактат, уговорил отца Берслана и, избрав удобные обстоятельства, успел увести из Кабарды до 200 семейств. Он поселился с ними на реке Орпе (Уруп или черкес. *Уарп* – *Ред.*); их потомки, живущие там, называются Бесленеевцами и нынешние их князья происходят от князя Коноко, от чего их называют ныне по имени предка – Коноковыми» [Ногмов 1994: 105].

Упоминание Ш.Б.Ногмовым самого Беслана как современника описываемых событий, на наш взгляд, является явным анахронизмом. Беслан – один из младших сыновей Инала, к этому времени должен был давно умереть. В поэтических текстах, посвященных *Къызбрун зауэ* имя Беслана не упоминается, а вот Каноко Берсланов и его потомство выступают как активные участники событий:

Къанокъуэмэ и таджыр зауэгъуэмэ къахольдыкI ...
Коноко[ва] его шлем битвы [во] время среди других блеском выделяется ...

Бжьэдыгъу шухэр мачIэти, емьнэ нэфт,
Къанокъуэ нэфмэ и жылэр рильэфэкIуэжщ ...
Бжедугских всадников мало хотя, как очумелые (досл. «подобны слепой чуме» – *Ред.*)
Канокно одноглазый (досл. «слепой» – *Ред.*) своих жителей к себе отвел обратно...

Къанокъуэхэ къуэрыльху шухэр Кургъокъуэхэ ятрагъажэ.
Канокных внучатые [потомственные] всадники Кургоковых заставляют обго-
нять ... [Ногмов 2020: 55, 57]

Из поэтического текста не вполне очевидно на чьей стороне Канокно Бесланов со своим феодальным войском принял участие в сражении, но по контексту предания, в передаче Ш.Б. Ногмова, мы можем заключить, что Бесленей вероятнее всего оказался в союзе Идаром Инармасовым. В песне упоминаются Кургоковы и Докшоковы – по данным Хан-Гирея два наиболее влиятельных объединения бесленевских дворян первой трети XIX в., как активные участники битвы, правда с диаметрально противоположными коннотациями:

Кургъокъуэхэ ЖэнджэриифIыри ды дзэ зэшэнымэ хэмыкI,
А Кургоковых Жангери доблестный наше войско водящий среди него неустан-
но находится...

...Дохъшокъуэмэ и тэгэлыер къуэрашхэмэ къейгъэлажэ,
Дохшоко его мундир (досл. тегелей или стеганный доспех – *Ред.*) [от] бурьяна
верхушек потерялся ...
[Султан Хан-Гирей 2009: 147, 148; Ногмов 2020: 55, 57]

Упоминание внуков Канокно как совершеннолетних всадников, участников битвы (...*Къанокъуэхэ къуэрыльху шухэр*), позволяет утверждать, что во время Кызбурунского сражения он был настоящим патриархом, стоящим во главе большого семейства. Что же заставило Канокно Бесланова после триумфальной победы Идара Инармасова и его союзников увести («откочевать») Бесленей – свой наследственный удел, в Восточное Закубанье, подальше от Пятигорья и долины Баксана – политического центра Кабарды? Мотивы, побудившие Канокно предпочесть сецессию станут понятны, если принять в расчет, что вся генерация Иналидов Кабарды, яростно конкурировавших за верховную власть в княжестве – Талостан Жанхотов, Идар Инармасов, Тохтамыш Кирклышев, Джилахстан Минбулатов, были его племянниками, сыновьями его двоюродных братьев [КРО 1957а: 384–387]. Иными словами, и по возрасту, и по формальному статусу представителя старшего поколения кабардинских Иналовичей, именно Канокно Бесланов имел все права на титул *пыцыхуэ*-великого князя. Но умножившееся потомство Табулы уже в первом и втором поколении фактически монополизировало право на великокняжескую власть в Кабарде. Реально оценив перспективы сосуществования со своими племянниками в рамках единого княжества, Канокно предпочел увести Бесленей на крайний запад этнического ареала Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии – в междуречье Лабы и Урупа. Судя по черкесским преданиям это произошло практически сразу же после водворения Идара Инармасова в Кабарде, то есть в конце 30-х годов XVI в. [Ногмов 1994: 105; Кожев 2020: 67].

Определить демографические параметры Бесленей XVI–XVII вв. сложно из-за скудости источников и отсутствия точных статистических данных. По фольклорной информации Ш.Б. Ногмова, Канокно «...успел увести из Кабарды до 200 семейств» [Ногмов 1994: 105]. Эти цифры нуждаются в корректной интерпретации.

Более поздние источники, относящиеся ко второй половине XVI–XVII вв., рисуют Бесленей как не самое большое, но вполне самостоятельное княжество с мобилизационным ресурсом в несколько тысяч человек. В середине XVI в., в период политического сближения Бесленей с Русским государством, в Москву выезжали представители рода Канокых со своими служилыми уорками в таких масштабах, что русская дипломатия, в целях устрашения явно преувеличивая черкесское военное присутствие в столице, по дипломатическим каналам распространяла информацию о том, что «...на Москве живут абеслинские [т.е. бесленейские] князи Амашик с братьею да джанские [т.е. жанеевские] князи Сибок с братьею, а с ними людей их тысяч с 5» [КРО 1957а: 390]. Доминиканский монах Джiovанни Лука, собиравший свои сведения примерно в конце первой трети XVII в., упоминает Бесленей (в транскрипции автора «Безинад» – *Ред.*) как крупное феодальное владение между Кемиргоем и Кабардой [АБКІЕА 1974: 71].

Эвлия Челеби в 60-х годах XVII в. локализует Бесленей в верховьях Большой и Малой Лабы и дает ему такую характеристику: «Их бей обитает здесь ... Он распоряжается в общей сложности *пятью тысячами отважных, отборных воинов, конных и пеших* (курсив наш – *З.К.*). И народ этот – весьма сильный, смелый, мужественный. Это *пиуко* (ставка князя-правителя – *Ред.*) построено, подобно Бахчисараю, в просторном ущелье, по обеим сторонам которого – каменные скалы. Оно достойно того, чтобы называться городом. Сей народ бесней [прежде] расселялся до самых земель Чин, Фагфур и Москва. Затем, [спасаясь] притеснений вновь пришедших калмыков, они обосновались в этом скалистом и неприступном ущелье ...» [Челеби 1979: 78–79]. В это же время Эвлия Челеби оценивает мобилизационный потенциал Большой Кабарды в 10 тыс. человек, а Талостанея и Джиляхстанея («страна Таустан») – в 12 тыс. [Челеби 1979: 86, 97].

Несколько позднее, в первой четверти XVIII в., по данным Ксаверио Главани, французского консула в Крыму, соотношение численности населения Бесленей и Большой Кабарды было примерно один к трем:

«Посреди этого перешейка (Кавказского перешейка между Черным и Каспийским морями – *Ред.*) находится округ Бесней, наиболее плодородный и богатый. Он расположен на равнине, имеет около 1000 жилищ, между которыми много дворянских; жители славятся своей красотой. *Округ этот пользуется большим уважением как по многочисленности дворянства, так и по храбрости его жителей* (курсив наш – *Ред.*) ... Последний округ в восточном направлении называется Кабарта ... Округ Кабарта обширнее и могущественнее всех остальных; в нем 3000 жилищ и много дворянства, под управлением одного бея ... К стороне калмыков находится округ Кучук-Кабарта (Малая Кабарта) ... в нем один бей и 800 жилищ [АБКІЕА 1974: 160].

Во времена Хан-Гирея Бесленей состоял из 7 княжеских и 27 дворянских селений. Возможно, эти данные не строго репрезентативны для более ранних периодов истории княжества. Однако традиционная структура и демографические параметры феодальных владений Восточной (*Шхьагъ*) Черкесии до эскалации Кавказской войны проявляли удивительный консерватизм и устойчивость. Так, например, по оценочным данным численность селений трех крупнейших уделов Кабарды середины XVII в. – Казиевой Кабарды, Талостанея, Идарея, составляла примерно 112 [КРО 1957а: 384–386]. По подробным же статистическим данным середины XVIII в. в Большой Кабарде (бывшая Казиева Кабарда и Идарей) и Талостанея насчитывалось 118 селений, включая одно недавно образованное селение осетин-дигорцев [КРО 1957b: 114–115]. Резюмируя доступные нам статистические данные по демографии Бесленей, можно солидаризироваться с тезисом Хан-Гирея о том, что «...при разделении кабардинского поколения бесленевцы *шестую часть, или шестой удел составили* (курсив наш – *Ред.*)» [Султан Хан-Гирей 2009: 145]. Косвенным свидетельством значительного демографического

потенциала Бесленей может служить то, что со временем он, изначально являвшийся уделом Кабарды, сам приобрел удельную структуру: «Князья бейсленейские ведут свой род от **Кканока**, потомка упомянутого Инала, почему и носят общую фамилию Кканокко-хе; однако ж они разделяются на два дома или на две отрасли, а именно: **Солохх-хе** и **Бекьмрзе-хе** ... Таким образом, удел, причисленный к отрасли **Солохх-хе**, называется **Солоххие**, к отрасли же **Бекьмрзе-хе** – **Бекьмрзие**. Оба же удела в совокупности составляют владение Бейсленейское» [Султан Хан-Гирей 2009: 146].

Поэтому двести семей, уведенных из Кабарды Каноко Беслановым, на наш взгляд, нельзя интерпретировать иначе, как оценку количества дворянских-уоркских семейств, составлявших политический класс и военно-служилое сословие Бесленей. Эти двести дворянских семей трехпоколенного состава, традиционных для черкесского общества XVI–XVIII вв., могли иметь мобилизационный потенциал не менее 300–400 всадников, что сопоставимо с мобилизационным ресурсом Идарея середины XVII в. в 355 человек дворянской конницы, без военных контингентов подвассального Москве княжества Идаровых – Сунчалеевичей вокруг Терок [КРО 1957а: 384–385]. Резюмируя приведенные данные по демографии Бесленей, его мобилизационным возможностям в XVI–XVII вв., учитывая традиционные соотношения привилегированных и непривилегированных сословий в Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии примерно один к пяти, можно приблизительно оценить максимальную численность бесленеевцев XVI–XVII вв. в 15–20 тыс. человек.

Таким образом, по своим размерам, численности населения, военному потенциалу Бесленей в XVI–XVII вв. кратно уступал практически всем основным княжествам как Западной (*КIахэ*), так и Восточной (*Щхьагъ*) Черкесии [Челеби 2009: 63, 64, 73, 78, 86, 97]. Это вынуждало Каноковых с первых лет существования своего владения в качестве самостоятельного субъекта Княжеской Черкесии проводить активную внешнюю политику. Чтобы стабилизировать суверенный статус Бесленей, оградить его от притязаний Иналидов более крупных и могущественных соседей – Кемиргоя, Кабарды, Каноковы в XVI–XVII вв. традиционно выступали как искусные мастера гибкой дипломатии и политических альянсов.

Именно Каноковы первыми среди Иналидов Черкесии открыли Московское направление во внешней политике. Первое адыгское посольство в столицу Русского государства Маашука Канокова в ноябре 1552 г. создало прецедент, имевший важное значение для развития русско-черкесских дипломатических и политических связей, для всей дальнейшей истории Черкесии, в первую очередь – Кабарды [КРО 1957а: 3–14]. То, что правители Бесленей первыми оценили потенциальные возможности военно-политического альянса с Москвой, еще до того, как Русское государство присоединило Астрахань и утвердилось непосредственно на степном фронтире Черкесии, характеризует первое поколение Каноковых как лидеров, обладающих талантом стратегического мышления. Судя по данным русских летописей и архивных документов, на начальном этапе развития русско-черкесских политических отношений, они активизировались под влиянием и по инициативе именно Каноковых. Об этом мы можем судить по тому, что первое посольство в Москву от лица *пцышхуэ* – великого князя Кабарды Кемиргоко Идарова в июле 1557 г., возглавлял Кавклыч Каноков – еще один член бесленеевского княжеского дома [КРО 1957а: 5].

Уже с начала 60-х годов XIX в. Каноковы, как и жанеевские князья свернули свою дипломатическую активность на Московском направлении. Маашук Каноков погиб, ориентировочно до 1562 г., однако даже после этого Бесленей сохранял канал политического взаимодействия с русским правительством. При царском дворе еще долго находились в качестве служилых князей сын и внук Маашука Канокова – Петр и Василий Петрович Ахамшуковы-Черкасские. После смерти последнего в 1652 г. ветвь Ахамшуковых-Черкасских угасла [Дзамихов 2001: 182–186].

К этому времени Кабарды бесленевские князья кардинально изменили свои внешнеполитические предпочтения и были настолько последовательны, что к началу XIX в. прорусские симпатии первого поколения Каноковых и их заслуги в инициировании и развитии русско-черкесских отношений были прочно забыты. Хан-Гирей, например, дает весьма характерную оценку внешнеполитической ориентации Бесленея:

«Между тем как кабардинцы оказывали с отдаленных времен преданность свою к России, бесленейцы более были привержены к крымцам и туркам; причиною тому было более всего положение той земли, на которой они постоянно обитают, будучи смежны с прочими закубанскими черкесами, которые всегда были на стороне турок и татар ... *Впрочем, бейсленейцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя, по обстоятельствам, и соглашались в мнениях с первыми и по временам покорствовали и платили дань последним, но нередко и противу войск их совоюпно с кабардинцами действовали* (курсив наш – Ред.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 146].

Традиционная для Иналидов Черкесии политика лавирования между мощными соседними державами, конкурирующими за гегемонию в регионе, с целью сохранения фактической независимости, в случае с Бесленеем осложнялась относительно скромными силовыми ресурсами. Однако Каноковы во второй половине XVI–XVII вв. нашли адекватные инструменты выстраивания комплиментарных отношений с Крымским ханством, обеспечивавших как режим наибольшего благоприятствования со стороны крымских Гиреев, так и защиту от притязаний более сильных княжеских домов Черкесии. Активно используя династические и аталыческие связи с правящей в Крыму династией Чингизидов, Каноковы добились для себя и своего княжества эксклюзивного статуса: «Регулярные аталыческие связи Бесленея с Крымским ханством привели к восприятию таких отношений как едва ли не исключительной прерогативы бесленевцев, и, в свою очередь, породили народную этимологию этнонима «бесленей», якобы восходящего к татарскому «беслемек» (воспитатель)» [Султан Хан-Гирей 2009: 642].

Эвлия Челеби, в 1666 г. пересекший Черкесию с Запада на Восток в свите смещенного с престола крымского хана Мехмед-Гирея IV (дважды в 1641–1644 и 1654–1666 гг.), при проезде через Бесленей отметил особенно близкую, интимную связь между бесленевцами и крымским Чингизидом: «Хану они отправили богатые подарки, прислали прекрасных и миловидных девушек и [невольников] – огланов. *Ибо они с ханом – родственники по линии семейств и потомков* [Челеби 1979: 78–79].

Смена внешнеполитических предпочтений правителей Бесленея в конце XVI–XVII вв. коррелирует со сменой их политических симпатий внутри Княжеской Черкесии. Если Каноко Бесланов и первые поколения Каноковых во внутриполитических конфликтах Иналидов выступали сторонниками Идара Инармасова и клана Идаровых, то уже с конца XVI в. отчетливо проявляется их тесный союз со старшим линиджем Жанхотовых (Инал-Табула-Жанхот-Беслан-Кайтуко-Пшеапшоко-Кази) во главе с Кази Пшеапшоковым – принципиальными противниками Идаровых. Именно в Восточное Закубанье – в Бесленей, на три года «откочевала» «Казыева Кабарда» после убийства Мамстрюка и Домануко Кемиргоквичей Идаровых Кази Пшеапшоковым в 1600/1601 г. [КРО 1957а: 385]. Ситуация повторилась буквально после битвы на Малке 12 июля в 1641 г. Победители – лидеры Казиевой Кабарды, с примкнувшими к ней Идаровыми-Сунчалеевичами (будущая Большая Кабарда – Ред.), наголову разгромили широкую коалицию ориентированных на Москву князей Талостанея, Джиляхстанея и Идарея, и в декабре того же 1641 г. переселились «...за Кубань реку под Абазы» [КРО 1957а: 203–205, 208–209]. Тесные политические связи с Бесленеем в обоих случаях выступали для правителей Казиевой Кабарды как фактор, усиливающий их позицию в конфликте с соперниками. Не только благодаря возможности использовать силовой ресурс Бесленея в случае прямого военного столкновения с политическими противниками

и стоящей за ними Москвой, но и наличию у Каноковых налаженных каналов взаимодействия с элитой Крымского ханства.

Еще одним пунктом стабильного взаимодействия между Иналидами Кабарды и Бесленей была традиционная политика выстраивания иерархических связей с горцами Восточного Закубанья и Центрального Кавказа. Хан-Гирей, иллюстрируя тесную связь княжеских домов Кабарды и Бесленей в вопросах реализации собственных гегемонистских притязаний на соседних горцев, писал: «Как бы то ни было, бейсленейцы участвовали во всех завоеваниях или, лучше сказать, опустошениях, кабардинцами произведенных на северных областях Кавказа. Этому неоспоримым доказательством служит участь абазинцев, которую кабардинское оружие решало; часть этих абазинцев и поныне состоит в подданстве бесленейских князей» [Султан Хан-Гирей 2009: 145–146].

Ксаверию Главани упоминает о вассальной зависимости от Бесленей локальных групп северокавказских абазин-*аишарауа* – башильбаевцев («округ Бессилбай, имеющий бея и 200 жилищ»), баговцев и баракаевцев («округ Эбаги-Баракки ... имеет 200 жилищ») [АБККЕА 1974: 160]. Источники первой трети XIX в. также называют данниками Каноковых башильбаевцев, шахгиреевцев, баговцев и баракаевцев, т.е. практически все абазинское население высокогорной зоны по рр. Большая и Малая Лаба, Уруп и их притокам [Волкова 1974: 73–74].

Таким образом, Бесленей, возникший как один из уделов Кабарды на два поколений ранее других фамильных уделов XVI–XVII вв. – Идарея, Талостанея, Джиляхстанея, и являвшийся этносоциальной единицей аналогичного таксономического уровня, после сецессии, территориального и политического размежевания с основным массивом восточноадыгского (*Шхьагъ*) населения получил импульс к самостоятельному развитию. Несмотря на то, что Каноковы принадлежали к потомству Беслана – младшего Иналида Кабарды, они, благодаря активной внешней политике, гибкой дипломатии, умелому лавированию между интересами сильнейших княжеских фамилий Кабарды и Западной Черкесии, сумели занять достойное место среди самых влиятельных и авторитетных из них. Бесленей, в отличие от многих более крупных владений Княжеской Черкесии, избежал внутривластных кризисов и дробления на уделы. Наряду с тесными династическими и аталыческими связями с крымскими Гиреями, это обстоятельство позволило Бесленею, несмотря на скромные демографические параметры, на протяжении XVI–XVII в. эволюционировать из личного удела одного из младших Иналидов Кабарды в этносоциальную единицу Княжеской Черкесии более высокого таксономического уровня.

Список источников и литературы

АБККЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.

Бесленей 2009 – *Бесленей – мост Черкесии*. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 408 с.

Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эльфа, 2001. 410 с.

Кожев 2020 – *Кожев З. А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах.* Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

КРО 1957b – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II.* М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Ногма 2020 – *Ногмов Ш.Б.* Исторические и филологические труды. В 4-х томах. Т. 2. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 304 с.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.

Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

References

Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / *sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova.* Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 s. (In Russian)

Beslenej – most Cherkessii. Voprosy istoricheskoi demografii Vostochnogo Zakuban'ja XIII–XIX vv. [Besleney – the bridge of Circassia. Questions of historical demography of the Eastern Trans-Kuban region of the 13th–20th centuries.]/*Sbornik dokumentov i materialov. Sostavlenie i vstupitel'naja stat'ja S.H.Hotko.* Majkop: Poligraf-Jug, 2009. 408 s. (In Russian)

CHELEBI, EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Вып. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 s. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 s. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. I. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 s. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 s. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 144 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghhe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 s. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy. V 4-h tomah. T. 2.* [Historical and philological works. In 4 volumes. Vol. 2.]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2020. 304 s. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 s. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024; одобрена после рецензирования 19.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 27.11.2024; approved after reviewing 19.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.